

УДК 316. 334. 3 (477.6)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КООРДИНАТЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ГРАЖДАН УКРАИНЫ (НА ПРИМЕРЕ ДОНБАССА)

Кононов Илья Федорович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко

Одной из характеристик перехода ко Второму модерну является разрушение порядка идеологического дискурса, который сложился после Великой французской революции. Упадок функции представительства интересов разных социальных групп в современных демократических системах привел к отрыву политического класса от других социальных слоев. Политическое самоопределение все больше становится личным делом индивида. В Украине это усугубляется имитативным характером демократических механизмов. "Общая воля" во время выборов становится ситуативным результатом манипулятивных технологий.

Ключевые слова: идеология, электоральная социология, электоральное поведение, модерн, идеологический дискурс модерна.

Однією з характеристик переходу до Другого модерну є руйнування порядку ідеологічного дискурсу, який склався після Великої французької революції. Занепад функції представництва інтересів різних соціальних груп у сучасних демократичних системах призвів до відриву політичного класу від решти соціальних прошарків. Політичне самовизначення все більшою мірою стає особистою справою індивіда. В Україні це посилюється імітативним характером демократичних механізмів. "Спільна воля" під час виборів стає ситуативним результатом маніпулятивних технологій.

Ключові слова: ідеологія, електоральна соціологія, електоральна поведінка, модерн, ідеологічний дискурс модерна.

One of the characteristics of the transition to modernity is the destruction of the ideological discourse which emerged after the French Revolution. The decline of the representative function of the interests of different social groups in modern democracies has led to the separation of the political class from other social layers. Political self-determination is increasingly becoming a private affair of an individual. In Ukraine, this is aggravated by imitative nature of democratic mechanisms. "Common Will" during the elections is the situational result of manipulative technologies.

Keywords: ideology, electoral sociology, electoral behavior, modernity, ideological discourse of modernity.

Регулярные выборы в различные органы власти – один из основных признаков демократического устройства общества. В мире накоплен колоссальный эмпирический материал, характеризующий электоральное поведение населения. Однако до настоящего времени нет удовлетворительной теории, которая бы объясняла его в разных ситуациях. В западной социологии разработаны три главных теории поведения избирателей: 1) "классового" или статусного голосования; 2) социально-психологическая; 3) рационального выбора [1, с. 190 - 198]. В прикладных исследованиях эти теории используются фрагментарно и смешиваются эклектически. Может быть, в этом бы не было большой беды, если бы они не противоречили друг другу. Первая теория базируется на представлении о человеке как о члене определенной социальной группы, которая находится в конфликтной социальной системе. Последнее обстоятельство усиливает внутригрупповую сплоченность. Именно группа формирует политическое сознание каждого индивида, которое, в свою очередь, предопределяет избирательное поведение. Последняя же теоретическая позиция предполагает, что именно индивид, ориентирующийся на личную выгоду, является подлинным субъектом избирательного процесса [2, с. 11].

Сложилась парадоксальная ситуация. Электоральная социология является одной из наиболее востребованных отраслевых социологий. Она не испытывает серьезных трудностей с финансированием. Однако на настоящий момент она очень далека от теоретического объяснения изучаемых явлений. В прикладном плане электоральная социология не опирается на те теоретические позиции, которые обозначены. В этом аспекте она является разновидностью электорального маркетинга и пользуется его основными установками. Значительная часть этой деятельности базируется просто на здравом смысле и фрагментарном использовании различных социологических и психологических концепций, методов сбора и обработки первичной социологической информации, математического моделирования динамических процессов [2, с. 12].

Эта ситуация характерна для всего мира. В странах, возникших на развалинах бывшего СССР, западные теоретические конструкции представляются еще более далекими от действительности. Имитативная

демократия предполагает двухактный процесс формирования общественного выбора. В первом акте в ходе борьбы внутри политического класса формируется "меню" выборов. Рядовые избиратели на этом этапе к данному процессу отношения не имеют. На втором этапе гражданам предоставляется возможность сделать выбор в пределах сформированного меню. Подобная двухактность является одним из ярких проявлений отрыва политического класса от других слоев населения. Различные группы политического класса в нашей стране не представляют никого, кроме самих себя. Но для того, чтобы избежать борьбы на взаимоистребление и заслужить доверие со стороны международной общественности, они прибегают к механизмам демократических выборов. Однако упадок функции представительства в политике влечет за собой изменение стратегии и тактики избирательной борьбы. Она утрачивает характер соревнования программ и проектов и превращается в соревнование манипулятивных политтехнологий [3].

Электоральное поведение граждан не формирует в целом общественный выбор, но все же влияет на траекторию развития страны. Это делает изучение его мотивов чрезвычайно актуальным. Некоторые исследователи, придерживаясь социально-психологической теории электорального поведения, модифицировали ее для случая постсоветского пространства в том духе, что здесь для избирателей не так важны партии, как идеологии. В отечественной социологии такие модификации уже подвергались критике. Например, Александр Вишняк отмечал, что "...идеологическая версия теории политико-партийной идентификации не в состоянии объяснить *динамику* избирательной активности и избирательных предпочтений населения, ибо идеологические установки, во-первых, изменяются значительно медленнее, нежели избирательное поведение, а, во-вторых, объяснение изменений в электоральном поведении изменениями идеологических установок ставит новую проблему – а чем же обусловлено изменение самих идеологических идентификаций?" [1, с. 195]. Соглашаясь с самой критической настроенностью автора, следует усомниться в релевантности выдвинутых им возражений. Разные политические силы могут по-разному интерпретировать общие идеологические принципы. В идеологии можно выделить твердое ядро и изменчивую оболочку. Последняя как раз должна постоянно реагировать на те или иные ситуации в обществе.

Идеология достаточно давно стала объектом пристального внимания социологов, социальных философов, политологов и представителей других общественных и гуманитарных наук. В научный оборот термин "идеология" был введен для обозначения особого учения об идеях французским философом-сенсуалистом и экономистом Антуаном Дестют де Траси (1754 – 1836). К его распространению приложили усилия Пьер Кабанис, Константин Франсуа Вольней, Ипполит Тэн и др. Антонио Грамши так объяснял первоначальное содержание учения об идеях: "Идеология" была одним из аспектов "сенсуализма", или, что то же, французского материализма XVIII века. Ее первоначальное значение было "наука об идеях", а так как анализ был единственным признанным и применяемым наукой методом, то она означала "анализ идей", то есть "исследование происхождения идей". Идеи раскладывались на их конечные "элементы", и эти последние могли быть не чем иным, как "ощущениями": идеи происходят от ощущений" [4, с. 73 - 74].

Дальнейшие приключения термина "идеология" хорошо описаны в литературе. Дестют де Траси был сенатором при Наполеоне, возглавляя робкую оппозицию. Юрий Волков пишет: "Во времена наполеоновской империи группа "идеологов" играла важную роль в определении политики Франции. Идеологи во главе с де Траси представляли довольно робкую оппозицию режиму Наполеона. В результате оппозиционной деятельности указанной группы возник конфликт между Наполеоном и "идеологами". Наполеон возложил вину и ответственность на "идеологов" за все просчеты и провалы своей внутренней и внешней политики, включая поражение в русском походе. Выступая 20 декабря 1812 г. в Государственном совете, Бонапарт выступил с речью против "идеологов" [5, с. 61]. Император Франции назвал идеологов "туманными метафизиками" и "пустыми доктринерами". Эти оценки Наполеона легли на подготовленную учением об идолах Ф. Бэкона почву. С этого времени в европейской традиции идеология стала отождествляться с ложным сознанием.

Критическим запалом против идеологии пронизаны сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. Работа "Немецкая идеология" специально посвящена разоблачению абстрактных теорий, которые абсолютизируют частичные условия жизни какой-то социальной группы. Называя Макса Штирнера Санчо, они писали: "О нашем Санчо мы знаем, что он обладает неискоренимой верой в иллюзии этих идеологов. Так как люди, в зависимости от различных условий своей жизни, создают о себе, т.е. о человеке, различные представления, то Санчо воображает, что различные представления создали различные условия жизни и таким образом оптовые фабриканты этих представлений, т.е. идеологи, установили свое господство над миром" [6, с. 393]. Идеология – это искаженное отражение человеческой истории, "...так как почти вся идеология сводится либо к превратному пониманию этой истории, либо к полному отвлечению от нее. Сама идеология есть только одна из сторон этой истории" [6, с. 12]. Из этого можно сделать два вывода: 1) идеология противостоит науке как ложное сознание истинному; 2) идеология отражает частные интересы какой-то социальной группы. Однако для марксиста эти выводы выглядят довольно противоречиво. Откуда может взяться чистота научного сознания, если наука, как и идеология, является надстроечным явлением? Из этого противоречия молодой Владимир

Ленин сделал вывод, что возможна научная идеология, которая базируется на позициях самого передового класса – промышленного пролетариата. Она не только не противоречит науке, но является ее единственной твердой опорой. Все остальные классовые позиции будут порождать ложное сознание [см.: 7, с. 131]. Здесь легко усмотреть злокачественные мутации общественного сознания, когда целые науки объявлялись буржуазными, когда неустраивающие власть выводы легко можно было объяснить ложной классовой позицией ученого. В исторической перспективе видятся гонения на социологию, генетику, кибернетику. Но все не так просто. Хотя в идеологии доминируют ценностные представления о действительности, но они опираются на достижения науки, а социальные интересы в ней обособываются в теоретической форме. Наука стремится к объективно истинному знанию, но получает стимулы для деятельности из ценностной сферы, которая связана с групповыми интересами. Это чутко зафиксировал Антонио Грамши: "...Наука, несмотря на все усилия ученых, никогда не будет набором чисто объективных сведений: она всегда имеет оболочку из какой-либо идеологии и конкретно представляет собой синтез объективных фактов и гипотез или систему гипотез, которые надстраиваются над объективными фактами" [4, с. 82].

Этапной работой в исследовании идеологии является работа Карла Мангейма "Идеология и утопия" (1929 г.). Идеологию он рассматривал в соотношении с утопией, считая обе формы общественного сознания связанными с трансцендентными наличному социальному бытию ориентациями. "В ходе истории люди значительно чаще ориентировались на трансцендентные бытию, чем на имманентные ему факторы, и, тем не менее, осуществляли на основе подобного несоответствия бытию "идеологического" сознания вполне конкретное устройство социальной жизни. Утопичной же подобная несоответствующая бытию ориентация становилась лишь тогда, когда она действовала в направлении, неизбежно ведущем к уничтожению существующей "структуры бытия"" [8, с. 113]. Представители существующего порядка никогда не выступают против трансцендентных ориентаций, но пытаются сделать их безопасными, вытеснив за пределы реального общественного процесса. В этом и состоит задача идеологии. Проекты же практического изменения общественного порядка отливаются поднимающимися социальными слоями в утопии. Последние являются революционизирующей силой истории. "Идеи, которые, как оказалось впоследствии, лишь парили в качестве маскирующих представлений над уходящим или возникающим общественным порядком, были идеологиями; те же идеи, которые получили в последующем общественном порядке свою адекватную реализацию, были относительными утопиями" [8, с. 122]. Между идеологией и утопией нет непреодолимой границы, они взаимопроникают, но не сводятся друг к другу. Победившая утопия становится идеологией, но при этом меняется и утрачивает революционизирующий характер. Важным в исследовании К. Мангейма было соотносительное рассмотрение идеологий/утопий. Исторически первой формой утопического сознания он называет оргиастический хилиазм анабаптистов, далее в исторической последовательности сформировались либерально-гуманистическая идея, консерватизм и социализм – коммунизм. В период модерна эти формы общественного сознания и практических ориентаций существовали в постоянном взаимодействии: "Сосуществование этих сил, их взаимное противопоставление, а также взаимное проникновение создают формы, совокупность которых определяет исторический прогресс во всей его полноте" [8, с. 158].

В нашем контексте на особое внимание заслуживают работы Иммануила Валлерстайна. Он рассматривает совокупность идеологий как способы отношения к модерну и адаптации к постоянным изменениям, характерным для него: "Как бы то ни было, сложились три типа отношения к современности и "нормализации" изменений: насколько возможного ограничения опасности; достижения счастья человечества наиболее разумным образом; или ускорения развития прогресса за счет жестокой борьбы с теми силами, которые ему всячески противостояли. Для обозначения этих трех типов отношений в период с 1815 – 1848 гг. вошли в употребление термины консерватизм, либерализм и социализм" [9, с. 79].

Если воспользоваться терминологией Эрнесто Лакло и Шантала Муффа, то можно сказать, что идеологии модерна были дискурсами, существующими только в общем дискурсивном строе. Луиза Филлипс и Марианне Йоргенсен эти идеи передают следующим образом: "...Строй дискурса" обозначает два дискурса или более, которые "стремятся" закрепиться в одной и той же области. Поэтому "строй дискурса" – это также термин для потенциальной или актуальной зоны дискурсивного конфликта. Концепты "антагонизма" и "гегемонии" в этой конструкции на уровне "порядок дискурса". "Антагонизм" – открытый конфликт между различными дискурсами, а "гегемония" – это разрешение конфликта за счет переноса границ между дискурсами" [10, с. 105]. Именно в этом ключе следует понимать риторический вопрос И. Валлерстайна: "...Разве не будет правильно сделать вывод о том, что с 1789 г. существовала лишь одна истинная идеология – либерализм, которая нашла свое проявление в трех основных обличьях?" [9, с. 90].

Дискурсивный строй модерна принято описывать при помощи случайно возникших понятий – правые, левые и центр, которые отражают расположение политических сил сначала в Законодательном собрании (1791 г.), а затем и в Конвенте революционной Франции [11, с. 149 - 153]. Подобное структурирование строя политического дискурса сохраняет свою актуальность для науки, СМИ, используется самими политиками.

Розділ 2. Емпіричні дослідження сучасного суспільства

Однако есть все основания предполагать, что эти понятия сохранились лишь как этикетки, прикрывающие некое новое содержание. Во-первых, эмпирические исследования украинских социологов с завидным постоянством демонстрировали, что значительному числу респондентов сложно идентифицировать себя с какой-то определенной идеологической позицией. По данным мониторинга Института социологии НАНУ в 2006 г. 40,2% опрошенных граждан Украины не смогли соотнести свои политические позиции с позициями существующих политических течений [12, с. 11].

Кафедрой философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко совместно с Центром по изучению общественных процессов и проблем гуманизма в 2007 г. было зафиксировано, что в Луганской области (n=1502) 66,1% респондентов заявили об отсутствии у них стойких политических убеждений. Именно они преобладали в электоральных группах всех политических партий. Например, среди сторонников Партии регионов таких было 64,0%, а среди сторонников КПУ – 47,5% [13, с. 18]. Во-вторых, зафиксированная в эмпирических исследованиях тенденция находит убедительное объяснение в теории Второго модерна. Он связан с радикальной индивидуализацией общественной жизни и с возложением именно на конкретного индивида всей полноты ответственности за все его успехи и неудачи. Радикальный характер этой форме индивидуализации придает то обстоятельство, что "в царстве индивидуальной свободы выбора возможность избежать индивидуализации и отказаться от участия в индивидуализации не предусмотрена" [14, с. 41]. В связи с этим З. Бауман констатирует: "'Общественное' колонизовано 'частным'; 'общественный интерес' уменьшился до любопытства к частной жизни общественных деятелей, и искусство общественной жизни сузилось до публичного показа частных дел и публичных признаний в частных чувствах (и чем более они интимнее, тем лучше). 'Общественные проблемы', которые сопротивляются таким изменениям, становятся почти непостижимыми" [14, с. 45].

Означает ли колонизация приватным общественное исчезновение идеологий? Определенно нет. С переходом ко Второму модерну разрушается старый порядок идеологического дискурса. С его разрушением гибнут и старые идеологии. Им на смену приходят позиции, которые весьма отличаются от предшествующих. Скажем, неолиберализм как идеологическая позиция вовсе не является продолжением старого либерализма [15]. Он имеет два уровня: 1) прикладной, теоретически не эксплицируемый; 2) теоретический, открыто выраженный и маскирующий первый уровень. Ведущим в этом образовании является первый уровень, но он как выражение группового эгоизма не может быть представлен как платформа для общественного консенсуса. В целом же идеологический дискурс сейчас фрагментируется. Идеологические платформы формируются ad hoc. За последние десятилетия наблюдается отступление от универсалистских принципов Просвещения и появление идеологических платформ, биологизирующих общественную жизнь. Имею в виду расистские, сексистские и прочие позиции (см.: [16, с. 71]). Все это заставило наш коллектив включить соответствующие проблемы в наши эмпирические исследования. При этом мы придерживались гипотезы, что разрушение старого строя идеологического дискурса выражается в утрате им действенности в реальной политической жизни. Прежде всего это сказывается на избирательном процессе, где старые идеологические позиции утрачивают обуславливающие поведение избирателей функции.

Обращусь к полученному коллективом кафедры философии и социологии ЛНУ им. Тараса Шевченко и Центром по изучению общественных процессов и проблем гуманизма данным (научное руководство исследованиями – проф. Кононов И. Ф., руководство полевыми этапами исследований и компьютерная обработка данных – доц. Хобта С. В.). Начну с вербальной характеристики респондентами своих идеологических позиций (табл. 1).

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос "Охарактеризуйте свои политические убеждения" (в % от числа опрошенных)

Политические убеждения	Луганская область. Июнь 2008 г. (n=1097)	Луганская область. Июль 2008 г. (n=801)	Луганская область. Февр. 2009 г. (n=1200)	Луганская область. Окт. 2009 г. (n=1147)	Луганск. Сент. 2010 г. (n=707)	Север Луганской области. Дек. 2011 г. (n=1001)
крайне левые	2,6	2,6	3	3,1	3,3	1,6
умеренно левые	14,8	9,2	10	11,2	3,2	2,5
левоцентристские	6,7	4,6	3	9,2	2,8	,9
правоцентристские	8,3	3,7	6	5,3	2,9	2,3
умеренно правые	11,2	4,2	5	7,7	3,3	3,5
крайне правые	,8	1,0	2	1,7	1,6	1,4
у меня нет устойчив. полит. убеждений	54,3	69,5	68	56,1	26,7	38,0

затрудняюсь с ответом	–	4,6	–	2,4	53,0	39,3
нет ответа	1,1	0,4	2	3,3	3,1	6

Более наглядно тренд виден на рисунке 1.

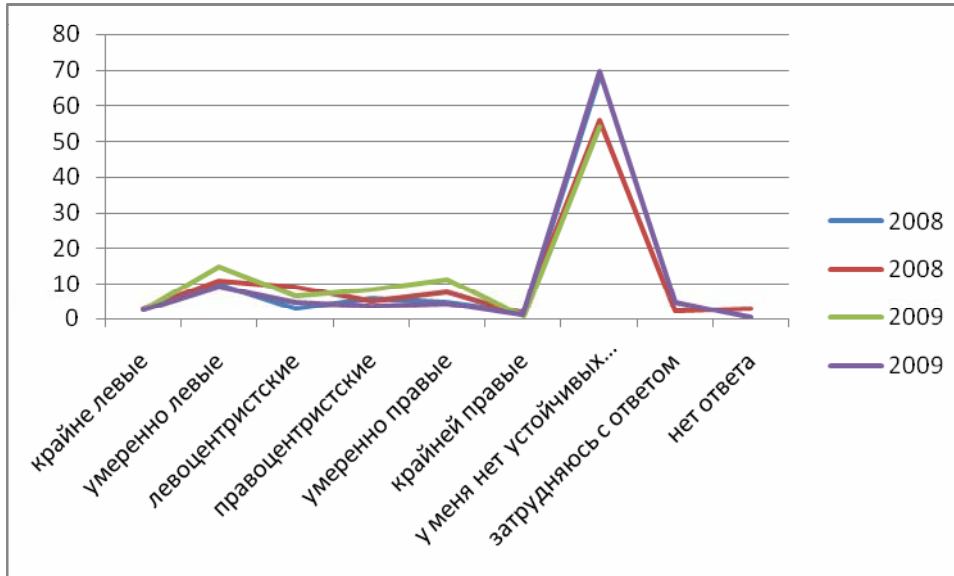

Рисунок 1. Характер политических ориентаций населения Луганской области (%)

Теперь рассмотрим влияние идеологических предпочтений на выбор тех или иных политических партий и блоков. Материал этот крайне громоздкий для табличной подачи. Поэтому ограничусь данными по трем опросам и набор партий сокращу до трех, которые в нашей области были фаворитами соответствующих кампаний (табл. 2).

Таблица 2.

Таблица сопряженности. Вопросы: "Если состоятся выборы в Верховную Раду, то за какую партию или блок Вы проголосуете?" * "Как бы Вы охарактеризовали свои политические убеждения?" (в %)

Октябрь 2009 г.								
Выбор политических партий	Характер идеологических ориентаций							
	крайне левые	левые	левоцент- ристские	правоцент- ристские	правые	крайне правые	у меня нет устойчивых политических убеждений	не разбираюсь в политике
Партия регионов	2,1	8,5	12,2	6,2	7,0	0,8	61,6	1,6
БЮТ	4,1	6,6	2,5	7,4	9,9	1,7	59,5	8,3
КПУ	8,5	33,0	9,6	2,1	8,5	3,2	35,1	
Сентябрь 2010 г.								
Партия регионов	2,3	1,3	4,0	2,3	3,0	2,7	27,0	57,3
БЮТ / Батьківщина	-	-	-	-	16,7	-	33,3	50,0
КПУ	11,1	17,5	3,2	1,6	6,3		7,9	52,4
Декабрь 2011 г.								
Партия регионов	2,9	3,6	1,8	4,7	5,8	2,2	39,4	39,7
БЮТ / Батьківщина		5,6	2,8	2,8	5,6	-	41,7	41,7
КПУ	7,2	3,6	1,2	2,4	1,2	1,2	33,7	49,4

Розділ 2. Емпіричні дослідження сучасного суспільства

Как видим, среди тех, кто выражал намерение голосовать даже за КПУ, были представители всего идеологического спектра, включая правых и крайне правых. Это касается и других партий. Специально выделяю КПУ как единственную политическую силу, у которой был значимый слой идеологического электората. Однако к настоящему времени он и у этой партии рассеивается.

Поиск новых идеологических ориентиров избирателей заставил нас обратить внимание на проблему языка. Она чрезвычайно ангажирована политическим классом Украины и постоянно используется в манипулятивных технологиях. Однако в Донбассе на массовое электоральное поведение она существенного влияния не оказывает. Чтобы не делать представление материала слишком громоздким в табличной форме обобщу результаты по двум последним опросам, ориентируясь на три наиболее популярные политические силы (табл. 3).

Таблица 3.

Таблица сопряженности. Вопросы: "Если состоятся выборы в Верховную Раду, то за какую партию ил блок Вы проголосуете?" * "На каких языках Вы общаетесь в семье?"

Выбор политических партий	Язык общения в семье						Число выборов
	нет ответа	русский, иногда украинский	русский, но достаточно часто украинский	в равной мере русский и украинский	украинский, но при необходимости и русский	кроме русского и украинского пользуюсь другими языками	
Сентябрь 2010 г.							
Партия регионов	1,0	78,2	10,7	6,5	2,3	1,3	207
БЮТ / Батьківщина	0,0	100	0,0	0,0	0,0	0,0	7
КПУ	0,0	81,2	7,8	4,7	6,3	0,0	64
Декабрь 2011 г.							
Партия регионов	2,2	20,8	9,7	28,7	38,7	0,0	279
БЮТ / Батьківщина	0,0	25,0	11,1	19,4	44,4	0,0	36
КПУ	0,0	18,1	8	9,6	57,8	1,2	83

Математический анализ приведенных в таблице 3 данных показывает отсутствие связи между языком общения в семье и выбором партии. Наши предшествующие исследования фиксировали только слабые связи, когда люди преимущественно говорящие на украинском языке, несколько чаще голосуют за политические силы национально-демократической ориентации, а среди электората Партии регионов и КПУ преобладали русскоговорящие. В исследованиях были зафиксированы разные значения критерия χ^2 Пирсона: июнь 2008 г. – 29,002; июль 2008 г. – 17,115; октябрь 2009 – 33,803. В данном случае речь идет только о фиксации слабой связи между языком общения в семье и выбором политической партии при голосовании [17, с. 133 - 139].

Такие слабые связи были зафиксированы между переменной "выбираемая политическая партия" и некоторыми позициями самоидентификации респондентов. Как пример приведу данные из исследования 2010 года. Критерий χ^2 продемонстрировал связь (12,424) между готовностью голосовать за БЮТ и идентификацией с трудовым (учебным коллективом), а также между готовностью голосовать за КПУ и идентификацией "советский человек" (18,395).

Все сказанное позволяет сделать некоторые выводы. Великие идеологии модерна перестали играть роль программы поведения как для политического класса, так и для граждан Украины в период избирательных кампаний. Их производные не исчезли вовсе из общественного сознания. Различные фракции политического класса Украины присвоили названия старых идеологических платформ как бренды для собственных политических образований. При этом украинские политические партии действуют в соответствии с общемировой тенденцией выработки некой усредненной идейной платформы, которую частностями только подстраивают под приватизированный бренд. Так, в Украине практически все политические партии в своих программах выступают за свободное развитие предпринимательства, за социальный характер государства и пр. Различия же касаются внешнеполитических ориентаций, языковых проблем и т. д. Да и эти различия актуализируются только в период избирательных кампаний. В остальные периоды в реальной политической практике партии, имеющие доступ к власти, отличаются

только стилистикой и лидерами. На уровне рядовых избирателей великие идеологии находят проявления через такие дериваты, как политические идентичности. Я уже говорил об идентичности "советский человек", которая демонстрирует тенденцию упадка.

Если еще в 1970-е годы можно было говорить об "идеологичности" как об интегративной характеристике гражданина [18, с. 78 - 79], то сейчас каждый человек в нашем обществе испытывает множество идеологических воздействий. В большинстве случаев они слабые, фрагментированные, существующие в оболочке различных форм общественного сознания. Зачастую эти воздействия откровенно преследуют манипулятивные цели. Не следует исключать наличие в идеологическом дискурсе современности некой макропозиции, связанной с интересами господствующего социального слоя. Но эта макропозиция не предполагает своей открытой экспликации в виде теоретической системы, ориентированной всему обществу. Скорее наоборот, ей такой экспликации желательно избежать, ибо это будет тождественно разоблачению повседневному лицемерия в реальной политике.

Для рядовых граждан идеологические координаты электорального поведения утратили характер фундаментальной устойчивости. Сейчас они складываются функционально, в зависимости от обстоятельств. Феноменом, который их оформляет, стало общественное мнение [3, с. 31]. Это осознали в политическом маркетинге и основные усилия политтехнологов поэтому нацелены на формирование общественного мнения, выгодного для продвигаемого "политического продукта", будь-то партия или кандидат.

Литература:

1. Вишняк О. І. Електоральна соціологія // Спеціальні та галузеві соціології / За ред. В. Є. Пилипенка. – К.: Каравела, 2003. – С. 187 – 219.
2. Кононов І. Ф. Суспільний вибір у міській громаді // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Соціологічні науки. – 2011. – Січень. - №2 (213). – С. 5 – 21.
3. Кононов І. Ф. Місто як поле суспільного вибору (на прикладі міських виборів 31 жовтня 2010 р. в місті Луганськ) // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Соціологічні науки. – 2011. – Січень. - №2 (213). – С. 21 – 44.
4. Грамши А. Тюремные тетради. В 3-х ч. Часть первая / Антонио Грамши / Пер. с итальянского. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
5. Волков Ю. Г. Манифест гуманизма. (Идеология и гуманистическое будущее России) / Волков Юрий Григорьевич. — М.: АНО РЖ "Соц.- гуманит. знания", 2000. — 138 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология/ Карл Маркс, Фридрих Энгельс/ Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1988. – 574 с.
7. Ленин В. И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи "Русского Богатства" против марксистов) / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1979. – 223 с.
8. Мангейм К. Идеология и утопия / Карл Мангейм / Пер. с нем.// Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / Сост., общ. ред. и предисловие В. А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. – С. 113 – 169.
9. Валлерстайн И. После либерализма / Пер. с англ. Под ред. Б. Г. Кагарлицкого / Имануэль Валлерстайн – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 256 с.
10. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – 2-е изд./ Филипс Луиза, Йоргенсен Марианне В. – Харьков: Изд-во "Гуманитарный центр", 2008. – 352 с.
11. Śpiewak P. Ideologie i obywatela / Paweł Śpiewak. – Warszawa: Biblioteka "Więzi", 1991. – 234 s.
12. Паніна Н. В. Українське суспільство 1992 – 2006: соціологічний моніторинг. – К.: Інститут соціології НАН України, 2006. – 94 с.
13. Кононов І. Ф. Соціальні структури і політична форма в суспільствах Другого модерну / Кононов Ілля Федорович // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. "Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи". – 2008. - № 795. – С. 13 – 19.
14. Бауман З. Текущая современность / Зигмунт Бауман / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
15. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Дэвид Харви / Перевод с английского Н. С. Брагиной. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/harvi_kratkaja/
16. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, культура. Двусмысленные идентичности / Этьен Балибар, Имануил Валлерстайн / Пер. с фр. О. Никифорова и П. Хицкого. – М.: Логос, 2004. – 288 с.
17. Хобта С. В. Комп'ютерні технології в соціологічному дослідженні. – Луганськ: ДЗ "ЛНУ імені Тараса Шевченка", 2012. – 249 с.
18. Николаевский Н. Ф. Проблема идеологии и ее закономерности в теоретическом наследии К. Маркса и Ф. Энгельса // Опережающий время (книга о Н. Ф. Николаевском) / Составители В. Н. Николаевский и Н. И. Сазонов. – Харьков: Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, 2007. – С. 71 – 80.